

От редакции. В августе этого года исполняется 75 лет известному российскому философу и социологу, доктору философских наук, профессору Борису Андреевичу Грушину.

Уже первые работы Бориса Андреевича, посвященные логике и методологии исторического исследования, получили широкую известность и оказали большое влияние на наших специалистов в области философии науки. Борис Андреевич был одним из основоположников отечественной социологии. В его работах сочетаются методологический и социально-философский подходы к изучению социологических сюжетов (разработка методов многомерного анализа текстов массового сознания, описание "массы" как особого типа человеческого сообщества) и исследование большого эмпирического материала современной социальной жизни.

В течение ряда лет Борис Андреевич был членом редакционной коллегии "Вопросов философии", неоднократно печатался на страницах нашего журнала.

Редакция и редакционная коллегия нашего журнала поздравляют Бориса Андреевича с юбилеем и желают ему доброго здоровья, неиссякаемой энергии, новых свершений.

Борис Андреевич был первым ученым в нашей стране, который начал систематическое изучение общественного мнения и продолжал делать это в сложных условиях в течение 45 лет.

Мы публикуем рассказ Бориса Андреевича о драматической истории изучения общественного мнения в нашем Отечестве.

К истории научного изучения общественного мнения в России

Б. А. ГРУШИН

Первые опросы населения в стране: их цена и бесценность

(Институт общественного мнения "Комсомольской правды". 1960-1965)

ИОМ "КП" - первый в истории страны исследовательский центр, поставивший своей задачей проводить массовые опросы населения, - возник весной 1960 г. под

крышей "Комсомольской правды". Ясно, что его рождение не было случайностью. Ни с точки зрения времени, в которое произошло это событие, ни с точки зрения характера выдвинутой задачи. Объяснение факта лежало в серьезных исторических подвижках в общественном сознании общества, случившихся в стране в пору хрущевской оттепели и затронувших в равной мере как социальную науку, потянувшуюся после долгого исторического перерыва к конкретному эмпирическому знанию, так и массовую журналистику, занявшуюся энергичными поисками новых форм контактов со своей аудиторией.

Будучи частью более широкого процесса возрождения (после 40-летнего перерыва) российской отечественной социологии ИОМ "КП" с самого начала занял в этом процессе особое место. С позиций официальной академической и университетской науки он, подобно многим другим, "самопровозгласившим" себя "социологическими", центрам, был, конечно же, типичным незаконнорожденным ребенком. Однако, с другой стороны, ему на редкость повезло с матерью: авторитет и популярность центральной ежедневной молодежной газеты с тиражом свыше четырех миллионов экземпляров, ее большие технические, финансовые и административные возможности позволили придать делу с самого начала завидный размах, широкое общественное звучание и тем самым плодотворное долголетие.

Конечно, возникновение такого Центра именно в "Комсомольской правде" было во многом случайным, объяснялось действием ряда чисто субъективных факторов. Во всяком случае, вполне можно допустить, что микроусловия, благоприятные для рождения и реализации подобной идеи, могли сложиться и в каком-либо ином месте. Что тут имеется в виду? Царивший в коллективе особый дух товарищества, какой-то редкой благожелательности и заинтересованности в общем успехе, носителем которого были ветераны газеты — "сорокалетние старики", в прошлом нередко военные корреспонденты. Молодежный состав редакции, большинство сотрудников которой получило высшее образование и пришло в газету после переломного 1956 г. и уж заведомо после 1953-го, и связанная с этим обстановка непрерывного генерирования и активной поддержки любых новых идей. Столь же молодое руководство, не успевшее утратить вкуса к профессиональному риску. Совсем уже случайное присутствие в коллективе философа-методолога, пытавшегося тем или иным образом приложить свои профессиональные знания к журналистской практике, полного неукротимых научных амбиций и обладавшего важными связями с разного рода полезными для дела специалистами - социологами, статистиками, математиками и др. Наконец, наличие в окружении руководителя ИОМ нескольких энтузиастов, горячо преданных делу, не жалевших ради него ни сил, ни времени.

Однако вовсе не случайным было то, что все эти факторы сошлись друг с другом не в каком-либо государственном учреждении, к примеру, не в Академии наук, а именно в газете, т.е. в системе средств массовой коммуникации. Ведь несколькими годами раньше аналогичное событие произошло в Польше — в Варшаве начал действовать Центр опросов общественного мнения при Польском радио и телевидении, парой лет позже - в Будапеште, где такой же Центр возник тоже при радио и телевидении. Значит, тут существовала явная зависимость: типично социологическая служба, каковой является любой центр изучения общественного мнения, определено тяготела к альянсу с тем или иным органом массовой коммуникации. И основа такого тяготения была достаточно прозрачной: изучение общественного мнения, что называется, по определению предполагает наличие постоянной возможности оперативного обращения к массовой аудитории - то ли с целью зондирования ее позиций, то ли с целью ее информирования о результатах зондажей.

Осознание этого факта побудило редакцию "КП" встать на путь энергичных поисков новых, более прочных и регулярных связей с читателем. И отсюда уже было пять-десять шагов до идеи создания в газете собственной социологической службы, могущей удовлетворить новые потребности.

Эти шаги - в виде первого анкетного опроса первой тысячи респондентов по теме "Удастся ли человечеству предотвратить войну?" - были проделаны редакцией в течение пяти дней (10-14) мая 1960 г., а еще через четыре дня - 19 мая газета опубликовала результаты этого опроса, объявив *urbi et orbi* об "открытии на своих страницах" Института общественного мнения.

Оценивая сегодня значимость этого факта, необходимо прежде всего решительно подчеркнуть, что создание ИОМ "КП" было чистейшим образом инициировано "снизу", самой редакцией газеты (действовавшей в этом отношении сугубо на свой страх и риск), а вовсе не "сверху", не по указанию руководства партии или комсомола. Многие из западных журналистов, бурно прореагировавших на первые опросы ИОМ, естественно, не могли представить себе подобной "вольности" и подозревали, что за этой акцией скрывается хорошо замаскированная рука ЦК КПСС (если не

КГБ). Между тем публикация 19 мая 1960 г. была абсолютно неожиданной не только для зарубежных журналистов, но и для всех остальных, кто открыл в тот день "Комсомолку", включая самое высокое начальство со Старой площади и Лубянки.

Конечно, что там говорить, "Комсомольская правда" тех лет, подобно всем остальным массовым изданиям, была лишь частью общей идеологической и пропагандистской машины партии и государства и, значит, не могла развивать активности, позволять себе действий, которые находились бы в открытом противоречии с непреложными правилами, утвержденными Отделом пропаганды ЦК. Понятно поэтому, что и созданный в ее стенах самопровозглашенный исследовательский центр не мог не быть во многом типично журналистским образованием, не мог не решать целой серии задач, связанных с интересами газеты как таковой, и прежде всего задач *пропаганды* - распространения и внедрения в массовое сознание ценностей и норм, образцов сознания и поведения, входивших в корпус так называемого коммунистического воспитания молодежи.

Так, в своем первом опросе (проведенном менее чем через две недели после печально знаменитого полета Пауэрса) редакция явно хотела не только узнать, каким в самом деле было мнение населения страны по поводу реальности угрозы войны, но и лишний раз (причем не голословно, а во впечатляющей упаковке с использованием "объективной цифири") утвердить тезис о "преимуществах социализма над капитализмом", доказать, что "Советский Союз - сильнейшая держава в мире", а "Н.С. Хрущев - главный миротворец". Точно так же и во втором опросе (1960, август-сентябрь), где речь шла о динамике жизненного уровня населения за последние годы, главная идея газеты снова заключалась не только и не столько в том, чтобы выяснить реальное положение вещей в рассматриваемой сфере общества, сколько в том, чтобы опять же лишний раз (с помощью "научным путем" полученной информации) подтвердить, что "дела в стране идут прекрасно", что "главный залог счастья народа — политика партии" и т.д.

В сущности, этот неизбежный отчетливо выраженный "журнализм" в деятельности ИОМ "КП" был той ценой, которую социология опросов должна была заплатить за свое рождение и существование. И нельзя не признать, что эта цена была немалой. Ведь именно в этом пункте возникали наиболее серьезные затруднения с нормальным функционированием возникшей службы, в том числе в части реализации ее собственных целей и интересов, не совпадавших с газетными.

Имея в виду этот аспект разговора, следует отметить прежде всего, что новая ин- ституция не была воспринята в стране в качестве *политического феномена*, трактовалась заведомо зауженно, без понимания той ее роли, которую она (по определению) могла бы сыграть в жизни общества. Ведь, абстрактно и возвышенно говоря, это был некий подарок судьбы, некий нечаянно подвернувшийся механизм для исторического прорыва страны в гражданское общество, в политическую демократию - эффективный способ формирования общественности, повышения уровня ее самосознания, налаживания ее связей с другими политическими институтами, в том числе институтами власти, принимающими решения, и т.д. Однако ни о чем подобном в тогдашние времена в СССР, конечно же, не могло быть и речи. И не было! Несмотря на наступившую (как выяснилось, весьма кратковременную) оттепель, страна была категорически не готова к изменениям, случившимся с ней лишь четверть века спустя. Поэтому не только газетчики и политики, но и люди из цеха науки упорно видели в ИОМ "КП" всего лишь еще одну (правда, очень удачную и броскую) рубрику в газете - не более того.

Хотя на чисто спонтанном уровне, независимо от интересов редакции и политических лидеров, деятельность Института, имевшая целью формирование общественности в стране, привитие людям навыков участия в публичной дискуссии, создание и использование языка гражданского общения, отличного от официального, и т.д., в той или иной мере все же состоялась и, по-видимому, давала какие-то плоды...

Вторая проблема, вытекавшая из вынужденного "журнализма" в деятельности ИОМ "КП", касалась обеспечения собственно *научной стороны работы*. И, надо сказать, возникавшие здесь помехи не были уже непосредственно связаны с тягой редакции к "хорошей пропаганде". Главная плата "журнализму" в этом пункте работы ИОМ заключалась в том, что организаторы опросов зачастую, как ни старались, не могли

преодолеть тотального пренебрежения к вопросам методологии исследований со стороны руководства редакции, и это, естественно, не могло так или иначе не сказываться на качестве "инструмента", изготовляемого для "полевых" и "камеральных" работ.

Грубо говоря, редакцию совершенно не волновали такие сюжеты, как репрезентативность информации, строгая **выверенность** задаваемых вопросов, соблюдение принципа анонимности ответов, чистота кодирования полученной информации и многое другое из того, что было призвано повышать надежность производимой информации, адекватность ее интерпретации и т.д. Ей вовсе не нужна была серьезная, строгая наука, ей нужно было завлекательное, оперативно изготовляемое чтиво. В результате этого поле деятельности ИОМ в редакции было полем не только коллективного энтузиазма и радости (по поводу каждого нового опроса и каждой крупной публикации), но и постоянных скрытых и явных напряжений между интересами газеты ("журналистов") и интересами науки ("социологов"), равно как и постоянными компромиссами между этими интересами.

В самом начале пути такого рода компромиссы решались, как правило, в пользу газеты. В том числе, видимо, и поэтому результаты первых четырех опросов были восприняты в обществе исключительно как явление журналистики, а отнюдь не науки. Однако начиная с пятого исследования (проходившего в августе-ноябре 1961 г. и посвященного проблемам движения за коммунистический труд), ситуация начала заметно меняться: организаторам опросов все чаще удавалось реализовывать неплохие с точки зрения их репрезентативности выборки; разрабатывать адекватные системы кодирования полевой информации; обеспечивать надлежащую подготовку анкетеров и кодировщиков; осуществлять машинную обработку информации вместо ручной и т.д. И явным результатом этого стало то, что с 1962 г. продукция Института начала активно проникать в научную литературу, рассматриваться в одном ряду с продукцией, производимой другими центрами социологической науки в стране.

В рамках же собственно научной программы главная задача ИОМ "КП" сводилась к производству разнообразной по содержанию и надежной по качеству информации о состоянии общественного мнения в стране. Понятно, решение этой задачи (особенно на первых порах) было сопряжено со множеством трудностей, не имевших никакого отношения к феномену "журнализма", о котором шла речь. Ведь, помимо всего прочего, долгое время вся наука в Институте была поневоле представлена лишь **одним-единственным** человеком - его руководителем, которому приходилось действовать по формуле "и швец, и жнец, и на дуде игрец": разрабатывать программы исследований, полевые документы и инструкции к ним, конструировать выборки, составлять коды к открытым вопросам, проводить учебные семинары анкетеров и кодировщиков полевой информации, определять дизайн итоговых таблиц и т.д. и т.п. И все это - в ситуации явной нехватки профессиональных знаний и навыков, которая в еще большей степени характеризовала всех остальных участников операций и никак не могла быть восполнена за счет их самоотверженности и энтузиазма.

И тем не менее эта задача решалась Институтом с самых первых шагов его деятельности на основе форсированного самообразования руководителя и развертывания в строгом смысле слова научной, в том числе чисто теоретической и методологической, работы по овладению общественным мнением как предметом эмпирических исследований и социологического анализа.

Речь шла прежде всего о выработке определенного *понимания самой социальной и гносеологической природы* изучаемого феномена. И как такового (поскольку в результате знакомства автора с западной литературой обнаружилось, что большинство тамошних исследователей общественного мнения не в состоянии определить предмет своего изучения), и, особенно, применительно к специфическим "домашним" условиям. Ведь работу по фиксации и измерению этого феномена приходилось начинать в обстановке, когда не было ответа на главный вопрос "Существо-

ет ли в стране действительное (а не мнимое) общественное мнение?" (или иначе: "В чем разница между мнением подлинным и фиктивным?") и когда в предельно идеологизированном советском общественном сознании безраздельно господствовали представления, согласно которым *"в стране со времени победы социализма по всем вопросам, затрагивающим интересы всех классов и социальных групп, формируется общее мнение"*; или еще хлеще: *"общественное мнение применительно к социалистическому обществу можно определить как единодушное суждение народа"*¹.

Уже при абстрактном подходе к делу было ясно, что подобные представления - плод кабинетных упражнений на почве тоталитарной идеологии - практически полностью исключают возможность эмпирического изучения общественного мнения, делают такое изучение совершенно бессмысленным. И уже самый первый опрос показал, что они не имеют ничего общего с реальным положением вещей и потому требуют теоретического преодоления. Естественно, такое преодоление, опиравшееся на постепенное накапливаемый опыт непосредственных контактов с сознанием масс, по неизбежности растянулось во времени. И все же оно тем не менее состоялось, когда автору удалось понять самое важное: что общественное мнение - это одна из форм существования и выражения не "всенародного", не группового и не классового, а так называемого массового сознания. Подобное понимание оказалось чрезвычайно плодотворным по своим экспликациям. Помимо всего прочего, оно обнаруживало, что общественное мнение может быть и бывает "всяким": широким и узким по своему субъекту-носителю, единодушным и (чаще всего) плюралистичным по своему составу; ложным и истинным по своему содержанию, компетентным и некомпетентным по своему значению; естественным и искусственным по механизмам своего возникновения; спонтанным и организуемым по механизмам своего выражения и т.д.

Следующий сюжет в процессе реализации научной программы ИОМ был связан с выбором и совершенствованием *методов и техник работы*, призванных обеспечить максимальную надежность производимой информации. В этом отношении речь шла, понятно, о том, чтобы не только овладеть инструментарием, созданным на Западе, но и адаптировать его к собственным условиям. При этом из всего более чем богатого арсенала методов изучения общественного мнения в дело были запущены в основном разнообразные методы выборочных анкетных опросов.

В общей сложности на первом этапе своей деятельности, с мая 1960 г. по октябрь 1965 г., Институт провел шестнадцать исследований, в том числе одно международное, двенадцать всесоюзных, два межрегиональных и одно региональное. При этом шесть из них были выполнены с помощью анкетеров (в технике самозаполнения), два - в форме почтовых опросов (с рассылкой анкет на основе предварительно составленных списков адресатов) и восемь - в форме газетных опросов (с публикацией анкет на страницах "КП" и призывом заполнить их, обращенным к читателям). В результате собственно конструированием выборки Институту пришлось заниматься ровно в половине исследований, тогда как в другой их половине представительство всех групп опроса обеспечивалось исключительно стихийным путем.

Не имея теперь возможности подробно обсуждать эти сюжеты, скажем лишь, что в центре внимания ИОМа в любых вариантах была проблема *качества выборки*, т.е. либо поиски способов повышения этого качества, если выборочная совокупность конструировалась самими исследователями (на основе имевшихся знаний об изучаемой вселенной), либо его по возможности более точное определение, если состав выборки складывался стихийно (в рамках допусков, предусмотренных исследователями). На этом поприще ИОМ "КП", похоже, не пускался ни в какие особые новации, кроме одной, но весьма существенной: в соответствии с теоретическими изысканиями руководителя Института, при оценке репрезентативности выборочных

¹Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 75, 89.

образцов, т.е. меры совпадения их свойств со свойствами представляемых ими все-ленных, в расчет неизменно принимались (в границах возможного) не только социально-демографические характеристики тех и других (чем, как правило, ограничивался и до сих пор ограничивается традиционный анализ), но и характеристики массового сознания соответствующих субъектов - вошедших в выборки избранных представителей масс (населения, народа, публики, общественности) и самих этих масс, самого этого населения, на-рода, самой этой публики, **общественности**².

В результате, оценивая в целом деятельность ИОМ "КП" на первом этапе его су-ществования, можно сказать:

1) что базовая информация, производившаяся Институтом, использовалась "Ком-сомольской правдой" *достаточно широко, но весьма неадекватным* (по содержа-нию) и *весьма ограниченным* (по объему) образом, поскольку газетные публикации, отражавшие ход и результаты опросов, в большинстве своем имели ярко выражен-ный пропагандистский характер и ограничивали количественные результаты иссле-дований лишь избранными цифрами, вовсе исключая табличный материал;

2) что при вынужденном "журнализме", оказывавшем определенное (и неопреде-ленное) *негативное воздействие* на количественные и качественные характери-сти-ки производимой Институтом информации, сама эта информация тем не менее до-бывалась в рамках *серьезной социологии*, сохраняла научный характер и, следова-тельно, оставляла принципиальную возможность для иного рода ознакомления с нею широкой общественности и иного рода ее содержательной интерпретации, не-жели те, что демонстрировались "Комсомольской правдой" в начале 60-х гг.;

3) (и самое главное) что полученная ИОМ "КП" информация заслуживает самого *пристального внимания*, поскольку обладает большой познавательной ценностью, а в некотором смысле и вовсе бесценна, если учесть, что в рассматриваемый период советско-российской истории Институт был практически единственным социологи-ческим центром, который мог проводить и проводил многие свои исследования не на каком-то отдельном предприятии (заводе, колхозе) и не в каком-то отдельном горо-де или регионе СССР, а в *масштабах страны в целом*.

Подобная высокая оценка рассматриваемой информации кажется особенно оправданной в наше вре-мя, в свете выраженной тенденции развития мировой социальной науки в направлении к феноменологи-ческой и понимающей социологии. Многие нынешние социологи, как известно, стремятся все меньше го-няться за цифрами и все больше проникать в качество изучаемых объектов, переходя от массовых выбо-рок к разным формам монографического описания, к исследованиям типа case-study. В этом смысле зафиксированные ИОМ "КП" образцы сознания людей, живших в эпоху Хрущева, обладают поистине непреодолимыми достоинствами. Разумеется, прежде всего как живые свидетельства менталитета соб-ственно "шестидесятников". Но не только. Объективный наблюдатель найдет в них также указания и на не-которые более глубокие пласты сознания тех, кого теперь нередко оскорбительно именуют совками, но кто на поверку, при ближайшем рассмотрении, оказывается самим российским народом.

Начали за здоровье, а кончили за упокой

(Институт общественного мнения "Комсомольской правды". 1966-1967)

Уже при самом поверхностном взгляде на вещи легко обнаружить, что деятель-ность ИОМ "КП" на втором, заключительном этапе его существования заметно от-личалась от той, что была характерна для него в начале пути. Прежде всего на уров-не чисто формальных количественных показателей, касающихся объемов произве-денной информации. Ведь за первые пять с половиной лет Институт провел 16 опросов, а за последние два – 11. Вместе с тем состоявшийся рост интенсивности *исследовательской* деятельности не находил адекватного отражения в *публикациях*

---

² Детальное описание этой стороны деятельности ИОМ "КП" можно найти в двухтомной (670 стра-ниц) докторской диссертации автора "Проблемы методологии исследования общественного мнения", за-щищенной 31 января 1967 г. в Институте философии АН СССР и изданной в том же году Политиздатом в виде монографии "Мнения о мире и мир мнений".

результатов опросов на страницах газеты. Совсем наоборот: в рассматриваемый период количество таких публикаций сократилось до 17 газетных материалов против 70 (!) в 1960-1965 гг.

Главными, однако, были отличия качественные - связанные с содержанием, методологией и организационным (в широком смысле слова) обеспечением проводившихся исследований.

Имея в виду первый из этих аспектов, можно сказать, что существенным изменением подверглась прежде всего **сама тематика опросов** - в направлении углубления обсуждаемых проблем и резкого сокращения в ней чисто пропагандистских сюжетов. В самом деле, на начальном этапе работы ИОМ "КП" из десяти рассматривавшихся в опросах предметов, можно сказать, полной свободой от *пропагандистской составляющей* отличались лишь три (досуг горожан и маркетинг бытовой аудио- и видеоаппаратуры); все же остальные в той или иной, большей или меньшей мере откровенно несли в себе ее заряд, и при этом гораздо чаще эта мера была явно большей, нежели меньшей ("Удастся ли человечеству предотвратить войну?", "Динамика уровня жизни населения", "Что собой представляет нынешняя молодежь?", "Во имя чего вы учитесь?", "На Марс - с чем?" и др.).

Теперь же, напротив, восемь из девяти обсуждавшихся предметов лежали *целиком вне интересов собственно пропаганды*, т.е. отбирались для работы в соответствии с качеством иными, а именно преимущественно *исследовательскими целями*. Так, в двух случаях ("Комсомолцы о комсомоле" и "Детская и подростковая преступность") речь шла о критическом анализе обнаружившихся минусов общественного развития, в одном (серия опросов "Время отпусков - как лучше провести его?") - о поисках решения злободневной народнохозяйственной проблемы, в трех ("Судьба Государственного гимна СССР", "Проблема выборности на производстве", "Население и экономическая реформа") - о гражданской экспертизе новых социально-экономических и общественно-политических практик в жизни страны и в двух ("Читатель о себе и о газете" и «Письма в "Комсомольскую правду" и их авторы») - о решении чисто социологических задач, связанных с изучением газетой своей аудитории.

Вместе с тем обращение ИОМ "КП" к нового типа проблематике диктовалось не только исследовательскими задачами. Под этим лежал и отчетливо выраженный *гражданский интерес*, связанный с намерением Института "приучать" общество к изучению общественного мнения как к определенной - политической и информационной - *норме публичной жизни страны*. Причем "приучать" не только на уровне собственно читателей газеты, но и на уровне населения в целом, не только на полюсе масс, но и на полюсе разного рода социальных институтов, в том числе управляющих жизнью общества. Последнее обстоятельство представлялось особенно важным и нашло свое отражение, во-первых, в широко использовавшейся ИОМом "КП" практике обращения к руководителям министерств и ведомств с просьбой прокомментировать результаты некоторых опросов, а главное - в кардинальном увеличении количества так называемых заказных исследований. Ведь если на первом этапе своей деятельности ИОМ "КП" выполнял такого рода исследование лишь однажды (опрос "Проектируем сами", заказанный ВНИИ технической эстетики), то на заключительном этапе - уже в пяти случаях из 11. При этом в качестве клиентов, полностью или частично оплативших исследования, в 1966-1967 гг. фигурировали ВНИИ типового и экспериментального проектирования лечебно-оздоровительных и санаторно-курортных зданий Госстроя СССР (заказавший серию исследований по проблеме отпусков), МВД СССР (заявившее изучением детской и подростковой преступности) и - даже! - Секретариат ЦК КПСС, посчитавший необходимым (перед принятием ответственного решения об изменении музыки и слов Государственного гимна СССР) выяснить мнение народа по этому поводу.

Понятно, что реализация всей этой новой, ориентированной преимущественно не на журналистику, а на науку, программы исследований предполагала отработку и

использование и **более основательной методологической базы** проводимых опросов, в том числе серьезное усиление технико-методического оснащения последних.

Это, второе, важное направление изменений в деятельности ИОМ "КП", приходящейся на эпоху Брежнева, проявляло себя прежде всего в более тщательной, чем раньше, работе с *моделями выборок*. В частности - в более аккуратной оценке величин и характера отклонений состава респондентов от объективной структуры населения страны в случае нерепрезентативных газетных опросов. Главное же - в значительном увеличении количества исследований, базировавшихся на конструировании *представительных* общенациональных выборок. Ведь если в эпоху Хрущева таких исследований было лишь два, то теперь уже пять, причем четыре из них (опросы о комсомоле, способах проведения отпусков, государственном гимне и производственной демократии) - с весьма высоким качеством выборочных совокупностей.

Много внимания уделялось и совершенствованию *инструментов сбора и обработки* полевой информации, а также *анализа* итоговых данных. В частности, в последнем из этих случаев речь пошла о гораздо более глубоком, чем прежде, препарировании произведенных данных, как в смысле большей детализации выявленного положения вещей, так и в смысле большей строгости языка описания результатов, перехода от былой цветистой публицистики, адресованной широкой читательской аудитории, к сухой лексике деловых отчетов, ориентированных преимущественно на сводки выводов и рекомендаций для соответствующей клиентуры, а то и (в двух случаях) собственно научных текстов, оформленных исследователями в качестве кандидатских диссертаций.

Наконец, весьма существенным преобразованием подверглась и **организационная сторона** деятельности ИОМ "КП", прежде всего та, что была связана с его официальным статусом. Дело в том, что до начала 1966 г. Институт оставался чисто *номинальным образованием*, масштабы деятельности которого были прямой производной от масштабов личного интереса к этой деятельности занимающих ее людей. До поры до времени, пока автор находился на посту члена редколлегии, редактора "КП" по отделу пропаганды, этот интерес, можно сказать, бил через край. Когда же ситуация поменялась и оказавшийся в длительной заграничной командировке научный руководитель ИОМа, понятно, не мог уже участвовать в каждодневной работе Института, интерес редакции к опросам общественного мнения стал заметно падать, если не сходить на нет. Достаточно сказать, что в 1964 г. ИОМ провел всего три опроса (причем все три - газетных), а в 1965 г. - и того меньше, лишь один (1000 школьников в г. Москве).

Не исключено, что в скором времени вся эта деятельность вообще почил бы в бозе, если бы 3 января 1966 г. автор не вернулся из Праги в Москву и не предложил редколлегии "КП" принципиально *новую модель функционирования* ИОМа, предусматривавшую резкую активизацию опросов как читателей газеты, так и всего населения страны. В предельно кратком виде суть этой модели сводилась к двум вещам: во-первых, к конституированию ИОМ "КП" в качестве *самостоятельного* структурного подразделения (отдела) редакции и, во-вторых, к различению, а точнее *разведению* в его деятельности (с закреплением - это *nota bene!* - за разными исполнителями) двух качественно отличающихся друг от друга блоков *функций*: а) главных, базовых (научных, социологических), связанных с программированием и проведением собственно опросов общественного мнения и б) вторичных, производных (журналистских), связанных с подготовкой и публикацией на страницах газеты литературных материалов о ходе и результатах проводимых опросов.

---

³ Имеется в виду работа автора в Праге (Чехословакии) в качестве редактора-консультанта отдела философии редакции международного журнала "Проблемы мира и социализма".

Разумеется, реализация этой программы не могла не столкнуться с рядом больших и малых, объективных и субъективных препятствий и трудностей. И, пожалуй, главным камнем преткновения здесь была сама решимость "Комсомольской правды" пойти на этот шаг - шаг, далеко не тривиальный и, если угодно, в том числе и политически ответственный: ведь, создавая в тоталитарном государстве (подчеркнем: впервые в практике партийно-идеологической и научной работы) такого типа административно-производственную единицу, редакция тем самым брала на себя смелость утверждать, что изучение общественного мнения - это особого рода профессиональная деятельность, предполагающая особого же рода институциональное оформление⁴. Однако после ряда дискуссий и (в первую очередь) благодаря энергии и твердости тогдашнего главного редактора газеты Б.Д. Панкина, эта и многие другие трудности были с успехом преодолены, в результате чего уже в феврале 1966 г. ИОМ "КП" превратился из бывшего до того *эфемерным* в хоть и скромное, но вполне *реальное*, административно оформленное, т.е. обладающее собственным штатным расписанием и собственным помещением учреждение. Возглавлять его было поручено двум людям: во-первых, автору, который в должности "заведующего отделом - научного руководителя ИОМ "КП" (на полставки) должен был "отвечать за все", и, во-вторых, многоопытному сотруднику редакции Е.Г. Григорьянцу, который в должности "просто" заведующего отделом (на полной ставке) и при функциональном подчинении научному руководителю, нес ответственность за подготовку собственно журналистской продукции Института. Кроме того, в штатах этого отдела-кентавра значились еще три единицы - двух литературных сотрудников и секретаря-администратора. А что касается собственно научных специалистов - социологов, то они участвовали в работе Института исключительно на внештатной основе, с оплатой труда либо по договорам, либо в форме привычных для редакции авторских гонораров. В 1966-1967 гг. это были преимущественно научные сотрудники и аспиранты недавно созданного и возглавленного автором сектора изучения общественного мнения Института философии АН СССР - В.Я. Нейгольдберг, Я.С. Капелюш, В.В. Сазонов и др.

Понятно, что изменение официального статуса ИОМ "КП", сопровождавшееся изменением самого принципиального направления, основного *вектора* деятельности Института, его превращением из учреждения *журналистско-научного*, с явным тяготением к чисто журналистским формам освоения действительности, в учреждение научно-журналистское, а то и просто научное, полностью свободное от решения тех или иных идеологических задач, было частью более широкого, общего процесса становления на ноги профессиональной социологии в СССР и стало возможным благодаря совокупному действию многих факторов - как объективных, так и субъективных. Однако в данном конкретном случае решающую роль сыграл все же фактор чисто субъективный, и заключался он в неудержимом стремлении руководителя ИОМ "КП" поставить в стране именно собственно *научное* изучение общественного мнения, создав для этой цели (любой ценой и под какой угодно "крышей") не квази-, а подлинно исследовательскую Службу, работающую на уровне мировых образцов и производящую вполне надежную, строго научную информацию.

Спонтанно проявившееся уже в пору рождения ИОМ "КП", это стремление оформилось в виде четких долговременных жизненных планов в середине 60-х гг., в

---

⁴Стоит ли говорить, что проявление подобной решимости было тогда явлением отнюдь неординарным. Ведь поначалу, в течение почти всего 1965 г. (после того как шеф-редактор журнала "Проблемы мира и социализма" А.М. Румянцев стал главным редактором газеты "Правда") автор самым активным образом пытался создать такой исследовательский центр в структуре первой газеты страны. Однако, несмотря на все усилия горячо поддерживавшего эту идею А.М. Румянцева, пробиться с нею, увы, не удалось - ни через редколлегию "Правды", ни тем более через лидеров партийной идеологии в ЦК КПСС. Позиция М.А. Сулова на этот счет была однозначной и категоричной: *Не нужно нам это дело! Пусть они там, у себя [на Западе] занимаются этим...*

пору пребывания автора в Праге, когда в журнале "Проблемы мира и социализма" он сумел провести одно из первых сравнительных международных социологических исследований в странах социализма, когда им была написана уже упоминавшаяся докторская диссертация; и когда - этот момент представляется решающим - в процессе работы над книгой "Разводы в СССР" (по материалам газетного опроса ИОМа о семье) ему случилось обнаружить совершенно новый, еще не описанный наукой социальный феномен - особый тип общественного сознания, названный им сознанием массовым.

Именно в соответствии с этими планами по возвращении из Праги в Москву автор определился на работу в Институт философии АН СССР, где в отделе конкретных социологических исследований вскоре возглавил созданный специально "под него" сектор изучения общественного мнения и эффективности идеологической работы. В соответствии с ними же произошли и все те изменения в ИОМ "КП", о которых шла речь выше. Было ведь совершенно очевидно, что силами одного академического учреждения, к тому же в принципе не ориентированного на проведение эмпирических исследований и, естественно, не располагавшего для этого никакими финансовыми средствами, решить поставленную задачу было абсолютно невозможно. Создание же **тандема ИФАН-ИОМ "КП"** как раз обещало такое решение. Этот шаг вообще казался тогда огромной творческой удачей и сулил блистательные перспективы во многих направлениях. Тут выигрывали все: и наука, обретавшая необходимую эмпирическую базу для разработки *теорий* массового сознания и общественного мнения; и СМИ, получавшие новые возможности для развития так называемой *понимающей* (аналитической) журналистики; и, само собой, общество в целом, запускаящее в ход мощное средство формирования "пятой власти" - *института общестственности*, обеспечивающего эффективное участие масс в управлении государством.

Как и ожидалось, успех объявился незамедлительно. Уже первый проведенный на новой основе опрос ("Комсомольцы о комсомоле", март-апрель 1966 г.) показал, что в содержательном отношении тандем сработал на редкость эффективно, обеспечив высокое качество работ на всех этапах исследования, начиная с формулирования задач и подготовки полевого документа и кончая обработкой и анализом полученной информации. В общем и целом ему не уступало в этом плане и большинство остальных, последовавших за ним опросов. В результате, можно считать, было доказано, что с принципиальной точки зрения, т.е. по уровню профессионализма кадров, по качеству методологии и техники проведения полевых работ и т.д., обновленная Служба изучения общественного мнения была **вполне готова** к самой серьезной работе по производству научно выверенной социологической информации, или, иначе, что такого рода деятельность была ей вполне по плечу. И все же в конце 1967 г., по совместному согласному решению редколлегии газеты и руководства комсомола, ИОМ "КП" **прекратил** свое существование и многообещающий тандем распался.

Как и почему это случилось? С *формальной* (официальной) точки зрения главная причина летального исхода заключалась в том, что, преуспев по части науки, тандем ИФАН-ИОМ "КП" обнаружил полную несостоятельность по части журналистского освещения хода и результатов проводившихся опросов. Возникшее уже на первом этапе деятельности ИОМ "КП" отчетливо выраженное творческое напряжение в отношениях между "газетчиками" и "социологами" (разрешавшееся тогда чаще в пользу первых) получило теперь дальнейшее развитие, и поскольку в проигрыше на этот раз сплошь и рядом оказывалась уже не наука, а журналистика, примириться с

---

⁵ Это исследование, посвященное проблемам свободного времени, использовало (в качестве базовой) программу опроса ИОМ "КП" и прошло, кроме СССР, еще в трех странах - Болгарии, Венгрии и Польше. Его основные результаты, за исключением относящихся к СССР, были опубликованы в приложениях к "ПМС" в 1964 (№ № 10 и 12) и в 1965 (№ 6) гг.

этим руководители "КП", естественно, никак не могли. На состоявшемся 9 января 1967 г. заседании редколлегии газеты они дружно признали работу ИОМа за 1966 г. неудовлетворительной и при этом усмотрели главный корень неуспеха "газетчиков" исключительно в злонамеренных действиях "социологов".

Нет спору, критика деятельности ИОМ "КП" за низкий кпд по части производства собственно газетной продукции имела под собой более чем веские основания: отдел-кентавр одной из своих половин в самом деле не оправдал возлагавшихся на него надежд и не сумел достойно удовлетворить потребности газеты. Публикаций вообще было очень мало (к примеру, связанных с опросом о комсомоле лишь три, с опросом "Читатель о себе и о газете" - одна, а с опросами о детской преступности, судьбе Гимна, выборности на производстве и ходе экономической реформы - и вовсе ни одной), а те, что и были, в большинстве своем даже отдаленно не напоминали ярких материалов начала 60-х, вызывавших огромный резонанс у публики и составлявших вящую славу тогдашней "Комсомолки".

Однако корень зла таился тут вовсе не в "социологах". Да и не в "журналистах", хотя в редакции в самом деле не нашлось никого, кто сумел бы серьезно ("по-научному") и одновременно завлекательно ("по-газетному") препарировать имевшиеся в изобилии социологические данные. Главная беда заключалась в том, что большая часть производившейся ИОМ "КП" в конце 60-х гг. информации была на поверку явно **"непубликабельной"**, поскольку она либо работала на анти-пропаганду, выявляя не столько успехи советского общества, сколько его неудачи и хронические болезни, либо предлагала такие решения проблем, которые, плохо совмещаясь или вовсе не совмещаясь с господствовавшей в обществе идеологией, несли в себе прямую угрозу последней. Первое из этих обстоятельства ярко проявилось в опросе о комсомоле, второе - в опросе о выборности на производстве.

Называя вещи своими именами, нельзя не признать, что с исследованием "Комсомольцы о комсомоле" случился форменный скандал. Оно проводилось в рамках подготовки к XV съезду ВЛКСМ и в соответствии с намерениями руководителей комсомола (равно как и газеты) должно было увенчаться "фанфарными" результатами. Однако этого не произошло. Зафиксированное на основе всесоюзного репрезентативного опроса комсомольцев объективное положение вещей в молодежной коммунистической организации кардинально не совпало с тем, что требовалось для "рапорта об успехах". В результате написанная автором для Секретариата ЦК ВЛКСМ первоначальная краткая (8-страничная) версия итогов исследования была встречена в штыки в качестве "очерняющей действительность". И, ясное дело, после этого редакция уже не захотела рисковать, и сначала отказалась от введения в газете планировавшейся рубрики *"Колонка социолога"* (которую предполагалось открыть как раз материалами опроса "Комсомольцы о комсомоле"), а затем завернула не только итоговый, но и несколько других подготовленных по этому сюжету материалов, ограничившись, в качестве публикаций к съезду, лишь двумя убогими подборками с ответами на анкету.

Не меньшими неприятностями обернулся для газеты и опрос о выборности на производстве, где редакции пришлось виниться сразу перед несколькими отделами ЦК КПСС. Высокое начальство со Старой площади выразило изрядное недовольство уже по поводу публикации самой статьи "Кому быть прорабом?", в которой рассказывалось о первом в стране опыте производственной демократии - выборах руководителя низшего звена, состоявшихся в одном из СУ треста **"Красноярскалюминстрой"**⁶. Когда же на основании этой статьи ИОМ "КП" провел многоаспектную всесоюзную дискуссию среди разных групп населения и выявил при этом факт активнейшей поддержки народом идеи выборности руководства как таковой (не ограниченной лишь управленцами низшего звена), это недовольство приняло поистине угрожающие размеры. В результате ни о каких публикациях по этому поводу, конечно же, не могло быть и речи (хотя, заметим в скобках, главный скандал с опросом разразился много позже, уже после закрытия ИОМа⁷).

При этом при более пристальном взгляде на вещи становилось ясным, что возникшая непубликабельность результатов опросов была связана не только и не

⁶ См. "Комсомольская правда", 24 сентября 1966 г.

⁷ Здесь имеется в виду судьба изданной в 1969 г. Институтом конкретных социальных исследований АН СССР (по инициативе и под общей редакцией автора) брошюры Я.С. Капелюша "Общественное мнение о выборности на производстве". Излагавшая основные итоги данного опроса, эта работа была многократно публично осуждена в качестве идейно и теоретически ошибочной, в результате чего тираж книги был сначала на длительный срок задержан к распространению, а затем (в 1972 г.?) - по прямому указанию тогдашнего секретаря МГК КПСС по пропаганде В.Н. Ягодкина - полностью (за исключением считанных экземпляров, которые удалось спасти) уничтожен.

столько с отмеченным выше "посерьезнением" производимой ИОМ "КП" информации, сколько с начавшимися в общественно-политической жизни страны изменениями, медленным, но верным отходом общества от моделей поведения, демонстрировавшихся в период оттепели. И это означало, что проблема низкой эффективности деятельности Института общественного мнения, с точки зрения удовлетворения интересов газеты, имела под собой гораздо более глубокие основания, нежели прежде, простое и естественное несоответствие целей науки и журналистики.

Теперь речь шла уже о гораздо большем - о драматическом **напряжении между наукой и властью**, базировавшемся на неприкрытой *незаинтересованности* органов управления в производстве объективного социального знания и выражавшемся в их более чем *настороженном отношении* к любой мало-мальски серьезной информации, которая добывалась в рамках научной (а не чисто сервилитской, холуйской) социологии. Разоблачавшая многочисленные мифы о коренных преимуществах социалистического общества и, сверх того (это *nota bene!*), постоянно ставившая власть перед необходимостью свершения каких-то действий, принятия каких-то решений, такая социология была одновременно и опасна, и неудобна и потому уже с первых дней своего рождения, мягко говоря, не пользовалась особым расположением со стороны власти имущих. Вместе с тем, если в эпоху Хрущева, особенно на волне широко распространившейся моды на эмпирические исследования, недоверие всех мастей и уровней партийных лидеров к социологии считалось неприличным и плохо увязывалось с расхожей официальной фразеологией о борьбе партии с догматизмом и начетничеством, то теперь ситуация, если и не полностью изменилась, то во всяком случае начала существенно меняться. Правда, усиливавшаяся ото дня ко дню идеологическая цензура не имела тотального характера, действовала селективно, в зависимости в том числе от множества разного рода субъективных факторов. Правда, советские танки еще не вошли на улицы Праги и до начала массированной охоты на социологических "ведьм" - открытого похода на научную социологию и ее фактического разгрома - оставалась еще пара лет. И все же период жизни страны, вошедший в ее историю под печальным именем ЭПОХИ ЗАСТОЯ, *уже начался* и соответствующие ему характеристики советского общества вовсю набирали свою силу.

В этой ситуации вставший на путь науки и практически отказавшийся от пропагандистской активности ИОМ "КП" был, конечно же, обречен. Обречен, что называется, по определению: ведь он почти на четверть века опережал российскую историю⁸ и в силу этого объективно не имел никаких шансов на длительную жизнь. Какое-то время он мог еще, пожалуй, и протянуть, используя главный редактор газеты в противовес негативным настроениям руководителей ЦК ВЛКСМ то обстоятельство, что авторитет Института был признан даже ЦК КПСС, поручившим ему провести всесоюзный опрос об отношении народа к словам и музыке гимна СССР. Однако к тому времени Б.Д. Панкин - не в упрек ему будь сказано - уже утратил личный интерес к ИОМ "КП", понимая, что нареканий за деятельность Института может быть намного больше, чем похвал, и потому в декабре 1967 г. сдал его без боя.

Медленный взлет и стремительное падение ЦИОМа

(Центр изучения общественного мнения ИКСИ АН СССР. 1969-1972)

Вторая в истории страны служба изучения общественного мнения была создана в конце 1969 г. в стенах за год до того возникшего Института конкретных социальных исследований АН СССР. В соответствии с общей программой формирования ИКСИ,

---

⁸ Напомним, что первый "настоящий" - собственно государственный - институт общественного мнения был создан в стране лишь в пору горбачевской перестройки и то далеко не сразу, а только в конце 1987 г., в виде Всесоюзного центра изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам при ВЦСПС и Госкомтруде СССР (ВЦИОМ).

подготовленной группой сотрудников Института философии АН СССР⁹ и утвержденной постановлением Секретариата ЦК КПСС от 10 декабря 1968 г., одним из приоритетных направлений в работе Института объявлялось *"изучение общественного мнения по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики Советского государства"*. При этом предполагалось, что данное направление будет реализовываться **двумя структурными подразделениями ИКСИ**: во-первых, исследовательским отделом генерального проекта "Общественное мнение" (ПОМом)¹⁰ и, во-вторых, некоей службой оперативных опросов населения типа тех, что давным-давно уже существовали во всем цивилизованном мире и предтечей которой был закрытый в 1967 г. Институт общественного мнения "Комсомольской правды". Тесно связанные друг с другом по предмету изучения и действовавшие под началом одного человека - автора этих строк, названные подразделения должны были решать принципиально разные задачи: первое - осуществить (в определенных локальных и временных границах) заданный комплекс фундаментальных *теоретических* исследований, позволявших раскрыть механизмы формирования и функционирования массового сознания в условиях "развитого социализма"; второе - проводить с той или иной регулярностью (на протяжении в принципе не ограниченного времени) *прагматически* ориентированные и самые разнообразные по проблематике опросы общественного мнения в масштабах страны в целом, а также отдельных слоев и групп населения.

Однако если судьба ПОМа в общем и целом сложилась скорее благополучно и лишь на заключительной стадии работ обернулась сплошными сложностями и неприятностями, то с проведением оперативных зондажей общественного мнения Институту не повезло с самого начала. Несмотря на активность автора, многократно составлявшего записки-предложения о создании в ИКСИ соответствующей службы, и вопреки намерениям горячего приверженца этой идеи - вице-президента АН СССР, основателя и первого директора ИКСИ академика А.М. Румянцева, настойчиво добивавшегося дополнительных ставок для решения этого вопроса равно как в Президиуме АН СССР, так и в Секретариате ЦК КПСС, дело месяц за месяцем не двигалось с места. Лишь в конце 1969 г., явно потеряв всякое терпение и в очередной раз рискуя своим положением, А.М. Румянцев, в сущности, *единолично* (волею директора ИКСИ и одновременно вице-президента Академии) объявил о создании в структуре Института нового подразделения, названного Центром изучения общественного мнения (ЦИОМ).

На первых порах это была небольшая (всего 8 человек) "рабочая группа", сформированная преимущественно из сотрудников отдела ПОМ, но отчасти и за счет дополнительно выделенных дирекцией ИКСИ ставок. Возглавленная автором и В.Я. Нейгольдбергом (в должности заместителя руководителя Центра) эта группа - на основе критического изучения деятельности аналогичных зарубежных служб (прежде всего Института Гэллага и Французского института общественного мнения и рынка), а также хоть и несчастливого, но плодотворного опыта сотрудничества ИФАН с ИОМ "КП" - должна была разработать детальные предложения относительно тематики будущих опросов, структуры и штатного расписания Центра, принципов организации его деятельности, источников и способов финансирования исследований, а также образцы математически выверенных выборок, адекватно представлявших население СССР.

⁹ В эту возглавлявшуюся Г.В. Осиповым группу входили И.В. Блауберг, Б.А. Грушин, В.В. Колбановский, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, В.Б. Ольшанский и некоторые другие борющиеся за возрождение в стране научной социологии философы.

¹⁰ Этот проект начал реализовываться в Институте философии АН СССР, т.е. еще до создания ИКСИ, весной 1967 г., и был завершен семь лет спустя, в 1974 г. Речь о нем пойдет ниже.

Приступив к выполнению возложенных на нее обязанностей, названная группа начала с того, что подготовила Информационное письмо об открытии ЦИОМа и в феврале 1970 г. разослала его чуть более чем ста центральным государственным и общественным учреждениям и организациям страны: министерствам, ведомствам, научным институтам, творческим союзам, редакциям газет и др. В письме содержались, с одной стороны, предложение услуг Центра по изучению мнений и потребностей населения в границах различных сфер жизни общества, а с другой - просьба к адресатам сообщить о наличии у них интереса к сотрудничеству с Центром и назвать конкретные проблемы (темы), а также сроки и масштабы проведения возможных исследований, с указанием своей готовности либо неготовности оплатить их. В общем-то весьма незамысловатая эта акция оказалась, против ожиданий, в высшей степени эффективной: на послание ЦИОМа позитивно ответили не много не мало, а 42 адресата, подавших в общей сложности 102 заявки с готовностью оплатить половину из них. И этот результат не только ярко доказывал *наличие в обществе острой потребности* в изучении общественного мнения, но и обнаружил принципиальную *разрешимость* этой задачи с точки зрения ее финансового обеспечения.

Затем, не откладывая дел в долгий ящик, а именно уже в марте-апреле того же 1970 г., "рабочая группа" в сугубо пропагандистских, чтобы не сказать рекламных, целях по собственной инициативе провела два локальных опроса для отдела пропаганды ЦК КПСС. Один из них был посвящен отношению руководящих кадров г. Алматы к партийной учебе (с объемом выборки в 565 чел.), а другой - оценке жителями г. Мичуринска Тамбовской области меры гласности в работе местных органов управления (с $n = 630$). Принимая во внимание, что эта работа (при всей бюджетной скудости ИКСИ) была выполнена на средства Института, ее вполне можно было рассматривать как определенную инвестицию в будущее процветание ЦИОМа. И все вроде бы обошлось вполне удачно: оба опроса получили положительную оценку Агитпропа, при этом результаты первого фигурировали (при принятии соответствующего решения) на заседании Секретариата ЦК КПСС, а результаты второго легли в основу ответственных документов об эффективности идеологической работы, подготовленных после этого отделом пропаганды ЦК. Однако на самом деле эти шаги оказались не очень-то плодотворными, поскольку, как выяснилось, в коридорах ЦК КПСС в те годы расчет на успех следовало связывать вовсе не с собственными пропагандистами (которые и без того активно поддерживали социологов, но не имели возможности "помочь им материально"), а с людьми из отдела науки, которые относились к социологии, напротив, с большим подозрением и полностью определяли ее судьбу на уровне штатных расписаний и бюджетных ассигнований.

Наконец, ближе к осени 1970 г. "рабочая группа" завершила еще одно чрезвычайно важное дело - подготовила две всесоюзные репрезентативные модели населения, с объемом выборок в 6000 и 2000 человек. При этом особенно привлекательной (в силу большей дешевизны) казалась, конечно же, вторая выборка. Построенная на базе пропорциональной двухступенчатой районированной модели населения, она определяла на первом этапе - 27 регионов страны и 151 поселение, в том числе 97 городских и 54 сельских, а на втором - 2000 респондентов, отбираемых в соответствии с объективной социально-демографической структурой населения страны.

В результате для нормального функционирования ЦИОМа оставалось решить "всего лишь" две последние проблемы: 1) получить от Управления кадров Президиума АН СССР необходимые 60-70 штатных единиц, 50 из которых должны были пойти на формирование всесоюзной сети интервьюеров (или корпуса интервьюеров, командированных на полевые работы из Москвы) и 2) определиться с Финансовым управлением Президиума относительно способов финансирования различных видов работ. Однако тут-то коса и нашла на камень, причем как на уровне Президиума АН СССР, так и на уровне Отдела науки ЦК КПСС. В очередной раз грубо продемонстрировав откровенную незаинтересованность в научно выверенной информации о состоянии умов и душ, мнений и настроений масс, сначала академические, а затем и

партийные руководители решительно отказали ИКСИ (ЦИОМу) не только в шта-тах и бюджетном финансировании (не выделив Центру ни одной дополнительной ставки и не дав ему ни единого дополнительного рубля!), но и в праве на проведение хоздоговорных исследований, которое могло бы элементарно решить все оставшиеся нерешенными проблемы, поскольку позволяло *"привлечь к работе на договорных началах определенное число интервьюеров на местах, а также оплачивать расходы по кодировке и машинной обработке информации, командировкам и т.д."*.

На практике это означало, что новый академический центр, едва ли не самовольно взявшийся за проведение опросов общественного мнения в СССР - при всем энтузиазме работавших в нем людей - конечно же, не мог рассчитывать на сколько-нибудь серьезные результаты, а значит, и на широкое общественное признание. Правда, с чисто формальной точки зрения, особенно на первых порах, все выглядело не так уж безнадежно; достаточно сказать, что за первые полтора года своей жизни Центр провел в общей сложности 11 исследований. Однако по большому счету итоги его работы были, конечно же, весьма скромными и незаметными для публики: всего шесть законченных опросов, причем лишь два из них - полновесных все-союзных, все же остальные - художнично локальные, заключенные в границах отдельных городов, с мизерными выборками в 300–600 чел.; и при этом ни одной публикации о результатах исследований в открытой прессе!

Впрочем, первый и единственный в своем роде всесоюзный опрос, проведенный в феврале-марте 1971 г. с выборкой в 2000 чел., без преувеличения удался на славу. Задуманный в качестве, так сказать, *образцово-показательного*, он и в самом деле отлично продемонстрировал немалые реальные возможности для проведения опросов общественного мнения в СССР в масштабах всей страны даже в описанных стесненных обстоятельствах, т.е. при отсутствии общенациональной сети интервьюеров и денег на командирование интервьюеров из Москвы.

Добиться этого успеха Центр сумел с помощью двух приемов: во-первых, прибегнув к опросу так называемого *омнибусного типа* (при котором дискуссия должна была идти не по одной, а одновременно по нескольким не связанным друг с другом темам и оплачиваться, так сказать, в складчину, "на паях" всеми участвовавшими в операции клиентами¹¹) и, во-вторых, добившись согласия клиентов расплачиваться за исследования не деньгами (которые ЦИОМ не мог легально оприходовать), а *бартером*, вернее "натурой" - скажем (в самом простом, незамысловатом варианте), путем командирования в "поле" (в качестве интервьюеров) или выделения на камеральные работы в Москве (в качестве приемщиков и кодировщиков первичной информации) энного количества своих работников.

Но вот повторить и тем более закрепить этот успех ЦИОМу, увы, не удалось. В силу действия множества обстоятельств: из-за отсутствия бюджетного и иного финансирования работ, из-за неудачи с созданием всесоюзной сети интервьюеров, из-за ограниченности сил самих сотрудников Центра и многого другого. Но главное, конечно, - из-за принципиального, резкого ухудшения макро- и микроусловий (и в обществе в целом, и в стенах ИКСИ, в частности) для такого рода занятий. Предпринятый партийными идеологами в конце 60-х гг. тотальный поход против "опасной" социологии полностью исключил эту возможность. Длившаяся едва ли не целый год разгромная кампания против "Лекций по социологии" Ю.А. Левады¹²; перманентные суровые разборки "идейно-теоретических ошибок" в работе многих других со-

¹¹ Из докладной записки А.М. Румянцева "О создании Центра изучения общественного мнения" заведующему Отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникову от 26 июня 1970 г. / Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. С. 523-524.

¹² В этой роли в опросе-омнибусе выступали Научно-исследовательский экономический институт Госплана СССР, МВД СССР, ВНИИ конъюнктуры спроса Министерства торговли СССР, редакция газеты "Советский спорт" и Всесоюзная фирма грампластинок "Мелодия".

¹³ См. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. С. 485-507.

трудников ИКСИ¹⁴; наконец, открытый конфликт директора Института с заведующим отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезниковым в конце концов (весна 1972 г.) вынудили А.М. Румянцева подать в отставку. И когда на его месте появился вывезенный из Свердловска в порядке "спецназа" М.Н. Руткевич - деятель, сразу же получивший в среде московской социологической братии более чем оправданную кличку "Бульдозер", - дни не только отдельных (не единиц - десятков!) ученых, но и целых научных подразделений в ИКСИ были сочтены. Одним из первых среди них, причем буквально в одночасье и без каких-либо разъяснений и комментариев, пал ЦИОМ: приказ о прекращении его деятельности и роспуске его коллектива был одним из самых срочных, подписанных новым директором по вступлении в должность...

Per angusta ad augusta...¹⁶

(Генеральный проект "Общественное мнение", ИКСИ/ИСИ АН СССР; 1967-1974)

Наконец, завершая разговор о возможностях и пределах научного изучения общественного мнения в СССР в эпоху застоя, необходимо сказать о реализации под руководством автора академического проекта "Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов", более известного под именем Таганрогского, или - в краткой версии - проекта "Общественное мнение" (ПОМ). Самый крупный в истории отечественной, а возможно, и всей мировой социологии, этот проект включил в себя в конечном счете 76 объединенных единой целью, но вместе с тем относительно самостоятельных исследований, каждое из которых, базируясь на различных методах и техниках полевых работ, завершилось производством разновеликого по объему, но неизменно вполне целостного свода количественных и качественных данных¹⁷.

Начатый в 1967 г. по инициативе и выполнявшийся под эгидой (а на финальной стадии и под активной защитой) отдела пропаганды ЦК КПСС, в лице руководившего тогда отделом А.Н. Яковлева, зам. зав. отделом Г.Л. Смирнова и сотрудника группы консультантов отдела - решающей фигуры в обеспечении всех необходимых условий для реализации проекта - Л.А. О니кова, проект "Общественное мнение" на протяжении семи лет своего существования был, что называется, постоянно *на виду у всех* и заявлял о себе не только многочисленными "идейно-теоретическими" конфликтами с партийными чиновниками из отдела науки ЦК КПСС, а затем и с директором Института, но и *внушительными объемами* выдаваемой на гора информации. Достаточно сказать, что на материалах проекта с 1969 по 1979 г. была защищена 21 (!) кандидатская диссертация, и, любитель статистики, автор подсчитал: количество одних лишь (упоминаемых в авторефератах) предзащитных публикаций диссертантов превысило сотню! А ведь к ним следует прибавить еще многочисленные статьи и рефераты, написанные остепененными сотрудниками ПОМа, не говоря уже о нескольких выпусках знаменитых в те годы "47 пятниц"¹⁸, а также главной

¹⁴ Ср. приводимые в той же книге документы на с. 514-521, 533, 536-540, 551-555 и др., включая "Записку ЦК КПСС о работе ИКСИ АН СССР" от 17 августа 1971 г., в которой замзавы трех отделов ЦК (науки и учебных заведений, организационно-партийной работы и пропаганды) выступили с прямой угрозой ликвидации только что становящегося на ноги института.

¹⁵ См. там же, с. 450-456, 458-469 и др.

¹⁶ Через трудности - к цели (букв. Через теснины - к вершинам) — лат.

¹⁷ Активнейшее участие в реализации проекта приняли М.С. Айвазян, А.А. Возьмитель, В.Д. Воинова, Т.М. Дридзе, А.В. Жаворонков, Я.С. Капелюш, М.С. Мацковский, В.Я. Нейгольдберг, В.В. Сазонов, Е.Я. Таршис, Г.Д. Токаровский, Л.Н. Федотова, Н.Е. Чернакова и многие другие.

¹⁸ См. 47 пятниц [Программы и документы проекта "Общественное мнение"], выпуски 1, 2, 4, 5 - М.: ИКСИ АН СССР, 1969-1972. Упомянем при этом, что по распоряжению цензуры тираж выпуска 4 был уничтожен, а подготовленный к печати в 1971 г. выпуск 3 не был издан вовсе.

публикации проекта - первой части его итогового труда - коллективной монографии "Массовая информация в советском промышленном городе".

Наличие всей этой обширной литературы позволяет автору, не касаясь разного рода методологических и методических аспектов реализации проекта, остановиться лишь на *общей принципиальной характеристике* центральных содержательных задач, которые стояли перед проектом и были решены им.

На уровне, так сказать, формального задания, т.е. в представлении насквозь проидеологизированного и сугубо прагматически ориентированного заказчика, эти задачи отчетливо сводились к двум: 1) выявлению путей и средств *"повышения эффективности идеологической работы партии и государства, осуществляемой с помощью... печати, радио, телевидения, разнообразных форм устной пропаганды"*, и 2) определению условий и форм *"расширения и совершенствования механизмов участия трудящихся в управлении социальными процессами в... развитом социалистическом обществе"*. На уровне же исполнения, т.е. коллектива исследователей, избравшего для решения указанных задач пути и средства преимущественно теоретического постижения предмета, оба названные пункта, обретя новое словесное оформление, "перекрывались" иной, гораздо более широкой целью - выявить и комплексно описать существующую в обществе систему *"информационных отношений между органами управления и населением"*, или - в иных терминах - между властью и народом, с учетом всех основных типов осуществляемой при этом обоими контрагентами *"информационной деятельности"* - производства, распространения (передачи), потребления и использования различных видов массовой информации.

Кроме того, занятый в те годы разработкой основ теории массового сознания, руководитель проекта ставил перед исследованием еще одну задачу - на обещавшем быть гигантским по объему эмпирическом материале доказать факт существования в тогдашнем советском обществе этого типа общественного сознания и по возможности продвинуться в понимании его социальной природы, механизмов его формирования и функционирования, а также его роли в жизни общества. Эта сторона предприятия оценивалась в проекте не иначе как в терминах сверхзадачи, причем в обоих принятых смыслах слова "сверх-" - и в том, что в данном случае речь шла о некотором непосредственно не предусмотренном заказчиком *дополнительном* интересе ("сверх" в значении "помимо", "кроме" чего-то), и в том, что этот интерес захватывал более *фундаментальный*, более глубокий пласт действительности, нежели обозначенный в заказе, и потому был способен обогатить выполнение собственно заказа ("сверх" как нечто "первостепенное", "особенно важное").

Именно в этом своем последнем качестве данная цель была подробным образом прописана в окончательной версии программы проекта, утвержденной отделом пропаганды ЦК КПСС в начале 1969 г.¹⁹ И, подобно другой стратегической цели - связанной с анализом участия "народа" "во власти", она была с немалым успехом в проекте достигнута. Вместе с тем ближайшая судьба полученной на этот счет информации и тем более относившихся к ней обобщений и выводов оказалась кардинально иной, нежели судьба информации, касавшейся проблем "эффективности идеологической работы партии" и - даже! - проблем "участия трудящихся в управлении социальными процессами". Если сюжеты с "эффективностью" были представлены в итоговых материалах исследования самым что ни на есть широким образом (составив в том числе основное содержание монографии "Массовая информация..."), а сюжеты с "участием масс в управлении", хоть и

¹⁹ Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования. Под общ. ред. *Грушина Б.А. и Ониксова Л.А.* М.: Политиздат, 1980. 446 с.

Увы, второму итоговому тому, подготовленному автором с участием В.А. Полторака в 1976 г. и называвшемуся "Процесс принятия решений местными органами управления и общественное мнение", из-за цензурных препятствий так и не удалось увидеть света - ни сразу, по написании книги, ни когда-либо позже, в т.ч. (последняя попытка издания) в конце 80-х гг.

²⁰ 47 пятниц. Выпуск 1. М.: ИКСИ АН СССР, 1969. С. 22-23.

не проникли в открытую печать, но все же активно присутствовали в материалах для служебного пользования²¹, то вся обширная проблематика, связанная с собственно массовым сознанием, оказалась не только не востребованной, но практически **полностью табуированной** и, за малыми исключениями, по *идеологическим* (а не в узком смысле слова цензурным!) соображениям вовсе выпала из итоговых текстов проекта.

Сегодня, треть века спустя после описываемых событий и во времена, когда словосочетание "массовое сознание" встречается на каждом шагу, являясь настоящей притчей во языцех, относительно молодому читателю, по-видимому, трудно поверить в возможность существования подобной ситуации. Однако в 60-70-е гг. минувшего столетия она была в Советском Союзе именно таковой. Тогда даже само употребление термина "массовое сознание" в науке было чрезвычайно затруднено²², а любое позитивное рассмотрение связанных с этим термином предметов и вовсе невозможно, поскольку оно воспринималось (и активно преследовалось) в качестве лютой ереси. При этом нельзя не согласиться, тревога по этому поводу тогдашних идеологов имела под собой более чем веские основания. Ведь, грубо говоря, признание самого факта существования массового сознания как сознания эксгруппового (надклассового, внеклассового) уже само по себе ставило под сомнение, если вовсе не перечеркивало, по меньшей мере два фундаментальнейших принципа марксизма: во-первых, то, что "в любом классовом обществе господствующими формами общественного сознания неизменно являются разнообразные формы группового и прежде всего классового сознания", и, во-вторых (час от часу не легче!), что "общественное сознание является (всего лишь) отражением общественного бытия" или, в парафразах, что "бытие (неизменно) первично, а сознание вторично", что "бытие определяет сознание" и т.д. Слабина первого из этих тезисов становилась достаточно очевидной перед историческим фактом возникновения в мире так называемых массовизированных (массовых) обществ, которые оказались густо населенными не только традиционными группами и классами, но и принципиально новыми, негрупповыми типами социальных общностей, именуемых массаами, с присущими им особыми же типами внегруппового, внеклассового сознания и поведения. Слабина же второго - в свете обнаружения многочисленных свидетельств того, что массовое поведение людей в указанных (современных, продвинутых) типах обществ определялось не только и, как правило, даже не столько их групповым бытием, сколько как раз их массовым сознанием, в результате чего становилось возможным утверждать, что это сознание в своих взаимоотношениях с бытием как "вторично", так и "первично", или, иначе, что оно не только "отражает" бытие, "определяется" им, но и (в не меньшей мере!) "отражается" в бытии, "определяет" его.

Теперь, после ухода из жизни Г.Л. Смирнова и Л.А. Оникова, в связи с невозможностью прояснить с их помощью истинное положение вещей, трудно сказать, как это вообще случилось, что они утвердили в программе проекта постановку задачи со столь еретической начинкой. То ли просто элементарно не углядели ее в довольно витиеватых формулировках, к которым прибегнул руководитель ПОМа. То ли недооценили содержащейся в тексте реальной идеологической угрозы. То ли - что скорее всего - продемонстрировали присущее им лично (вопреки их ролевым функциям) неортодоксальное сознание и определенную гражданскую смелость. Однако

²¹ Этой тематике были посвящены 11 из 29 докладных записок в ЦК КПСС, подготовленных в ПОМе, в 1974г.

²² В этой связи читателю, возможно, будет небезынтересно узнать, что, начиная с 1970 г. и на протяжении почти двух десятков лет, автор настойчиво, но безрезультатно предлагал философской редакции издательства "Советская энциклопедия" пополнить словники "БСЭ", а также "Философской энциклопедии" и "Философского энциклопедического словаря" терминами "общность массовая" и "массовое сознание". В конечном счете преодолеть этот барьер удалось лишь в 1989 (!) году, когда оба названных понятия заняли свое законное место в "Кратком словаре по социологии", изданном Политиздатом (уже после книги "Массовое сознание. Опыт определения и проблемы исследования", вышедшей в том же издательстве в 1987 г.).

как бы там ни было, дело было сделано: с согласия руководящих идеологов КПСС крамольная проблематика массового сознания получила в ПОМе полную легитимность. И, возможно, все обошлось бы без особых приключений и дальше, вплоть до завершения итогового отчета, если бы не грубая тактическая ошибка, совершенная руководителем проекта в 1970 г., когда он явно преждевременно (правда, под влиянием некоторых смягчающих вину житейских обстоятельств) решил опубликовать наброски своей концепции массового сознания в открытой печати²³ и тем самым подставил себя, равно как и саму концепцию, под огонь публичной, в том числе идеологической и административной, критики.

Поначалу, пока во главе советской социологии находился А.М. Румянцев, все было относительно спокойно. Но с назначением на пост вице-президента АН СССР, то бишь "главного социолога страны", академика П.Н. Федосеева, а на пост его подручного, директора ИКСИ (с 1 мая 1972 г.) - М.Н. Руткевича, ситуация в одночасье круто поменялась. В качестве шеф-редактора главного академического издания - "Вестника Академии наук СССР" первый из них опубликовал в июльской книжке журнала за 1972 год написанную в лучших традициях сталинской эпохи зубодробительную статью, в которой автор концепции массового сознания объявлялся ни много ни мало как лже-ученым - человеком, который *"просто не понимает, что такое наука и каковы ее элементарные требования"*.²⁴ Что же касается второго, то он сразу же, а именно уже 27 июля того же года, в пандан этой стартовой акции издал приказ, согласно которому отдел ПОМ (как раз в период, когда все работы в нем вступили в завершающую стадию) был преобразован в сектор, с сокращением числа занятых в проекте сотрудников и аспирантов сначала с 41 до 11, а затем и вовсе до 7. И, как выяснилось, это было лишь началом. В соответствии с установками отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС директор-"бульдозер" взял откровенный курс на то, чтобы сорвать выполнение проекта, и объявил ПОМу в целом, и особенно (персонально) его руководителю самую настоящую и непререывную - скрытую и явную - войну "на поражение".

В ходе этой затяжной, длившейся более двух лет баталии дирекция ИСИ и ее подручные проявили поистине незаурядную энергию и изобретательность, начиная с настойчивых, но безрезультатных требований от автора, чтобы он выступил на Ученом совете с покаянием по поводу "ошибочной концепции массового сознания"²⁵, или зловещих угроз привлечь его к... уголовной ответственности за "нецелевое использование финансовых средств" в Таганроге, и кончая также не удавшейся попыткой признать неудовлетворительным итоговый отчет по проекту на заседании дирекции 24 июня 1974 г.²⁶

²³ См. *Грушин Б.А.* Логические принципы исследования массового сознания // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 43-53 и № 8. С. 91-99.

²⁴ См. *Академик А.Д. Александров.* В защиту социологии. По поводу одной публикации // Вестник Академии наук СССР. 1972. № 7. С. 55-65.

²⁵ В этой связи в стенах Института тогда родилась даже веселая шутка. Поскольку во всех своих публичных спичах (на Ученых советах, собраниях коллектива, в партбюро) М.Н. Руткевич, независимо от обсуждавшегося вопроса, неизменно подвергал беспощадной критике положение дел в ПОМе, кто-то из еще не изгнанных из ИСИ острословов-оппозиционеров, памятуя о знаменитой концовке речей Марка Порция Катона в римском сенате - *Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*, - предложил директору, с целью экономии сил и слов в войне с проектом, использовать лишь самую краткую формулу: *"А кроме того, я утверждаю, что Карфаген (=ПОМ) должен быть разгружен!"*

²⁶ См. об этом: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. С. 223-224 и 245.

²⁷ Стоит отметить, что использованное в этом предложении слово "кончая" явно не точно, поскольку активные военные действия блока "Федосеев-Руткевич" против руководителя ПОМа продолжались и дальше, в течение как минимум еще двух лет после того, как он в сентябре 1974 г. оставил Институт. Так, спустя год эти славные люди предприняли еще одну (снова неудачную) попытку привлечь автора к суровой ответственности, на этот раз уже по линии КГБ (!), за "невыполнение требований сохранения государственной тайны" при архивизации информации проекта. А вот в 1976 г. им, напротив, удалось очень даже преуспеть, когда они сорвали выпуск в издательстве "Мысль" второго итогового тома Таганрогского проекта, главное содержание которого заключалось в разностороннем анализе мифа об участии масс в управлении обществом. В одной из двух организованных ими с этой целью отрицательных рецензий, под-

Ясно, что в описанных условиях и особенно в ситуации, когда ИСИ формально "подчинялся" не отделу пропаганды, а отделу науки ЦК КПСС, притом что С.П. Трапезников занимал в партийной иерархии гораздо более высокое положение, нежели Г.Л. Смирнов, возможности последнего, даже помноженные на немалые дипломатические таланты и гражданское мужество Л.А. О니кова, оказались все же весьма ограниченными. Их, слава богу, в целом хватало для самого главного - для того, чтобы *довести до конца* (вторичной обработки) весь корпус входивших в проект исследований и *сохранить* эту информацию для потомков. Или - пару раз - для того чтобы предотвратить очередную расправу директора ИСИ над не лояльными по отношению к нему сотрудниками сектора "Общественное мнение" в случаях их преследований по линии партбюро или организации разного рода помех в защите диссертаций. Но, увы, этих возможностей было явно не достаточно, чтобы *издать* без серьезных потерь *весь комплекс* заслуживавших публикации материалов.

Стоит ли говорить, что последнее обстоятельство было особенно тягостным, поскольку возникавшие в данном случае цензурные и иные ограничения относились не только к отдельным изданиям (к примеру, к тем же "47 пятницам"), но и к концептуальному содержанию публиковавшейся продукции в целом, а наиболее пострадавшей тут - после скандала с "Вестником Академии наук" - оказалась как раз вся проблематика массового сознания. В первоначальной версии монографии "Массовая информация...", которая была сдана в Политиздат 9 ноября 1976 г. объемом в 30 печ. л., эта проблематика, в полном соответствии с программой проекта, занимала, естественно, весьма солидное место. Однако философская редакция издательства (несмотря на то что одним из титульных редакторов монографии выступал - казалось бы, чего уж больше! - ответственный работник отдела пропаганды ЦК КПСС Л.А. Оников) забила по этому поводу самую настоящую тревогу и встала на путь более чем придирчивого и потому архидлительного - занявшего целых четыре года! - редактирования *рукописи*²⁸.

Сдававший свои позиции с огромным сопротивлением, многократно привлекавший к своим тяжбам с редакцией представителей заказчика и даже добившийся замены первого, "сверхбдительного", издательского редактора, руководитель ПОМа все же, понятно, не сумел сохранить в окончательной версии книги многих и многих страниц, посвященных анализу собственно массового сознания. Ликвидация этого исторического пробела - главный предмет его нынешней работы "".

писанной академиком Д.М. Гвишиани, в частности, утверждалось, что *"работа вряд ли может быть рекомендована к изданию... т.к. не содержит научно-достоверных выводов"* и содержит *"ряд утверждений, публикация которых может дать превратное представление о деятельности советских и партийных органов"*; в другой же, вышедшей из стен самого ИСИ (за подписью зав. отделом прикладных социальных исследований В.Н. Иванова), - что *"рукопись развивает весьма спорные и подвергавшиеся критике положения теории массового сознания, содержит ссылки на работу, тираж которой был аннулирован"* [имеется в виду книга Я.С. Капелюша "Общественное мнение о выборности на производстве". - Б.Г.], и т.д. (см. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. С. 224—225).

²⁸ Ее второй вариант - с учетом (и неучетом) бесконечных замечаний и сокращений штатных редакторов и внештатных рецензентов - был сдан в издательство 8 сентября 1977 г., третий - 19 июня 1978 г., четвертый - 20 декабря 1978 г. и пятый (*последний*, объемом уже в 25 печ. л.) — лишь 7 мая 1979 г. В свет книга вышла 17 марта 1980 г.

²⁹ Речь идет о написании и издании труда "Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина".